

Преступление и его участники в социальных представлениях студенческой молодежи

И.Б. Бовина,

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры методологических проблем криминальной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, ведущий научный сотрудник НИЛ «Научно-методическое обеспечение экстренной психологической помощи» Центра экстренной психологической помощи Московского городского психолого-педагогического университета, innabovina@yandex.ru

Б.Г. Бовин,

кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, bovinbg@yandex.ru

Описывается исследование, которое проводилось в рамках структурного подхода на основе идей теории социальных представлений С. Московиси. Его целью было выявление особенностей представлений о преступлении, преступнике и жертве у студенческой молодежи, а также рассмотрение связи этих представлений. Выборку составили 96 студентов в возрасте от 18 до 23 лет. Использовалась традиционная для структурного подхода теории социальных представлений методика свободных ассоциаций с последующим прототипическим анализом полученных ассоциаций. Исходные предположения о структуре социальных представлений о преступлении, преступнике и жертве, а также о связи этих представлений получили полную или частичную эмпирическую поддержку. Обсуждаются особенности структуры представлений, а также намечаются пути дальнейшего исследования данной проблемы.

Ключевые слова: преступление, преступник, жертва, теория социальных представлений, связи представлений, структура социальных представлений.

Рассматривая нравственные проблемы современного российского общества, А.Л. Журавлев и А.В. Юревич, в частности, пишут: «Различные факты демонстрируют, что в восприятии значительной части наших соотечественников, в особенности представителей молодого поколения, *стирается грань между добром и злом* как основа нравственного сознания и поведения» [8, с. 7]. Таким образом, можно говорить о процессе *банализации (нормализации) зла*.

Мы решили исследовать следующие вопросы: как люди понимают, что такое преступление; как они понимают, кто такой преступник и что представляет собой жертва его действий; как они используют это знание в своей повседневной жизни?

В «Толковом словаре» В.И. Даля смысл слова «преступление» раскрывается в статье, посвященной глаголу «преступать». Итак, преступление – это «самое дело, проступок и грех; беззаконие, злодеяние; поступок, противный закону» [6, с. 1031]. И далее: преступник – это «нарушитель закона, совершивший преступление, виновный перед законами в важном нарушении их» [6, с. 1031].

В «Большом толковом словаре русского языка» можно найти два определения слова «преступление». С одной стороны, говорится, что преступление – это «противозаконное, общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее общественный правопорядок и подлежащее уголовной ответственности» [2]. Во втором определении отмечается, что это – «предосудительный, недопустимый проступок». Преступником же оказывается человек, совершивший такой предосудительный, недопустимый поступок, причиняющий вред кому-то или чему-то.

Наконец, в «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» [9] можно обнаружить целый ряд синонимов к слову «преступление»: «проступок», «беззаконие», «злодеяние», «вина», «провинность», «грех», «злоупотребление», «правонарушение». Морально-нравственное измерение представлено здесь в эксплицированном виде.

В ст. 14 Уголовного кодекса РФ говорится, что «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» и далее: «Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности» [10]. Таким образом, акцент сделан на общественной опасности деяния, на действии, которому соответствует определенное намерение, а также на том, что преступлению соответствует наказание.

Однако все это – определения, имеющиеся в словарях, нам же интересно, на какие определения опираются люди в своей повседневной жизни.

Для ответа на интересующие нас вопросы мы обратились к теории социальных представлений [20]. Социальные представления могут быть определены как «система ценностей, идей, практик» [19, р.хiii], которая как раз и дает людям возможность придать смысл окружающему его миру, а также позволяет облегчать внутригрупповую коммуникацию. Как подчеркивает С. Московиси, «цель всех представлений заключается в том, чтобы сделать что-то неизвестное, неизвестность саму по себе, – известным» [21, р. 37]. В этом заключается защитная функция социальных представлений – трансформация новых, странных, неизвестных и угрожающих объектов и явлений путем помещения их в существующую систему координат. В. Вагнер и Н. Кронбергер предлагают говорить о процессе «символического копинга», под которым они подразумевают процесс присвоения нового и неизвестного для того, чтобы сделать это понятным и передаваемым посредством коммуникации» [24, р. 148]. Однако материальный способ недоступен, ибо он является уделом политиков, ученых, инженеров, врачей – словом, разных категорий экспертов, способных предпринимать реальные действия. Людям в их повседневной жизни доступен лишь символический способ защиты.

Среди других функций социальных представлений выделяются: облегчение коммуникации, регуляция социального поведения и оправдание социальных отношений, конструирование и поддержание социальной идентичности [7; 12; 13; 16; 19].

Теория социальных представлений дает возможность рассматривать макросоциальные феномены, релевантные современной жизни. Явления рассматриваются через призму взаимозависимости индивида и общества, *оба* уровня при этом доступны анализу. Оказывается возможным связать уровень макросоциального дискурса с индивидуальным социальным поведением, познанием, аффективной сферой и символическим пониманием [25]. Именно такая теория необходима нам для ответа на наши вопросы.

Итак, мы решили исследовать особенности социальных представлений о преступлении, преступнике и его жертве в группах студенческой молодежи, а также взаимосвязь этих представлений между собой¹.

Хотя изучение указанных аспектов и не является первостепенной задачей в нашем исследовании, но возможность получить эмпирические факты для последующей рефлексии теоретического и методологического уровней, виделась нам очень нужной и своевременной. Все сказанное подразумевает использование структурного подхода к анализу социальных представлений [11].

На основе многочисленных исследований, проведенных в рамках этой теории, исследователи предлагают различать три типа отношений (связей) между социальными представлениями: реципрокные, антонимичные, а также отношения, подразумевающие включенность (вложенность) одного представления в другое [22].

Реципрокные отношения подразумевают, что объекты представлений взаимно влияют друг на друга, но не зависят друг от друга [22]. Ядра представлений остаются независимыми, ибо они образованы специфическими элементами.

Отношения антонимии между представлениями соответствуют тому случаю, когда сами объекты являются антонимами. Представления выстраиваются на основе общей темы, однако в случае каждого объекта представление имеет специфическую структуру.

Представление, включенное в другое, соответственно, зависит от того представления, в которое оно включено; в структуре представлений отмечается сходство нормативных элементов (эти элементы принадлежат тому представлению, которое включает в себя другое), функциональные же элементы различаются [22].

В нашем исследовании имеют место два типа отношений – включенность и антонимия («преступление» и «преступник»; «преступник» и «жертва»; кроме того, отношения между объектами представлений «жертва» и «преступление» можно охарактеризовать как включенность, однако в отличие от отношений «преступление – преступник» здесь имеет место антонимия, именно поэтому мы будем рассматривать только отношения между первыми двумя парами объектов, указанные выше). В качестве дополнительной задачи мы собирались проанализировать представления под таким углом зрения, который позволил бы нам впоследствии выявить темы, на основе которых выстраиваются представления о преступлении, а также об участниках преступления.

Анализ литературы свидетельствует, что работ, выполненных в рамках избранного нами теоретического подхода, в которых бы преступление было объектом социальных представлений, довольно мало² [4; 18].

Р. Хаммер с коллегами рассматривают соотношение социальных представлений о причинах преступления и установок в отношении наказания в Швейцарии. Его результаты свидетельствуют, что субъективная близость к преступлению, а не социальные представления о причинах преступления в большей степени определяет установки в отношении наказания [18].

В работе О.А. Гулевич было, в частности, выявлено содержание обыденного понимания преступления: «социальные представления людей о преступлениях не всегда существуют

¹До настоящего времени, конечно, высказывались идеи о системе представлений, об их связи [17]. Однако существует лишь незначительное число исследований, в фокусе внимания которых был вопрос о связи представлений [14; 22].

²При более широком взгляде на изучаемую проблему можно говорить о серии работ, посвященных, например, социальным представлениям о справедливости в контексте изучения правосознания [3; 5], социальным представлениям о насилии [15], социальным представлениям о сексуальном маньяке и жертве [1].

в виде списка, в состав которого включены категории, содержание которых не пересекается: определение одной категории может идти через другую таким образом, что одно из преступлений становится частным случаем другого» [4, с. 18]. Автор не ставит, однако, задачи проанализировать специфику структуры представлений или рассмотреть отношения между представлениями.

При формулировании предположений мы опирались в большей степени на идеи теории социальных представлений, чем на факты, полученные по данной проблеме в русле этой теории. Мы принимали также во внимание результаты работ, касающихся анализа нравственного состояния российского общества [8], в котором эти представления порождаются.

Общие предположения относительно структуры социальных представлений, а также их связи были следующими:

1. тема *убийства* будет ключевой в представлениях о преступлении и о преступнике;
2. тема *вины* будет ключевой в представлениях об участниках преступления, образуя оппозицию «виновность – невиновность», поскольку отношения между представлениями антонимичны.

Основным методом исследования был опрос в варианте анкеты, где главную роль в изучении социальных представлений играла методика свободных ассоциаций³. Полученные ответы респондентов были проанализированы с помощью прототипического анализа по П. Вержесу [23], что позволяло нам выявить структуру представления в случае каждого объекта.

Выборку исследования составили 96 студентов (в возрасте от 18 до 23 лет), обучающихся в различных вузах Москвы.

Респонденты предложили 471 ассоциацию с объектом «преступление», 468 ассоциаций с объектом «преступник», 452 ассоциации с объектом «жертва». Составленный в каждом случае словарь, соответственно, включал в себя 144, 176 и 172 различных понятия. Для основного анализа мы использовали только те понятия, которые указывали как минимум 10% испытуемых. Мы проанализировали 44,6% всех высказанных ассоциаций с объектом представления «преступление», 36% ассоциаций с объектом «преступник», 37,6% ассоциаций с объектом «жертва». Сравнение показателей объема словаря понятий по каждому объекту представления с помощью ϕ -критерия позволяет говорить о том, что представление о преступлении является более согласованным, чем представления о преступнике и жертве (значения ϕ -критерия при сравнении «преступление – преступник» и «преступление – жертва» соответственно 2,27 и 2,4 – значимы как минимум на уровне 0,01). Об этом же свидетельствует доля анализируемых понятий в отношении объекта «преступление».

В зону ядра представления о преступлении (табл.) попадают элементы, указывающие на отдельные виды преступления («убийство», «кража»), а также на «нарушение» (это понятие имплицитно подразумевает наличие закона, нормы, правил, регламентирующих поведение в обществе). В зоне контраста располагается позиция меньшинства, она содержит два элемента: «преступник», «закон». Если элементы зоны ядра апеллируют к видам преступлений и указаниям на нарушение закона, то в противостоящей ей позиции меньшинства в фокусе внимания скорее оказывается тот, кто совершает это нарушение.

³ Отметим, что анализируемые здесь данные составляют только часть всего массива данных, полученных в исследовании, ориентированном на поиск ответов на ряд других вопросов. Опросник состоял из четырех частей (и включал в себя методику «Незаконченные предложения», методику, направленную на категоризацию), но здесь анализу подвергаются только результаты первой части.

Т а б л и ц а

Прототипический анализ представлений о преступлении, преступнике и жертве

	Понятие*(частота; ранг)		
	Преступление (16; 2,68)	Преступник (15; 2,65)	Жертва (15; 2,46)
Зона ядра	Убийство (46; 1,78)** Нарушение (27; 2,52) Кража (16; 2,56)	Убийца (30; 2,03) Вор (18; 2,17) Плохой человек (15; 2,53)	Невиновный (18; 1,72) Пострадавший (18; 1,83)
Зона контраста	Преступник (15; 2,40) Закон (13; 2,23)	Психически больной (14; 2,50) Опасный (14; 2,57) Уголовник (11; 2,00)	Смерть (12; 2,42) Кровь (11; 2,45) Бедный (10; 1,90)
Первая периферическая система	Наказание (23; 2,91) Тюрьма (18; 3,17) Суд (16; 4,00)	Тюрьма (32; 3,56) Нарушитель (21; 2,81)	Убийство (28; 2,82) Жалость (20; 2,70) Насилие (18; 2,56) Боль (15; 2,93)
Вторая периферическая система	Ограбление (12; 2,83) Аморальность (12; 3,08) Жертва (11; 4,00) Кровь (10; 2,90)	Наказание (13; 3,23)	Преступление (10; 2,70) Беспомощность (10; 3,00)

Примечание: * – в скобках указаны границы: медиана по частоте встречаемости и среднее значение по рангу появления понятия в отношении каждого объекта; ** – в скобках указаны показатели по каждому понятию: частота встречаемости и среднее значение по рангу появления понятия.

В первой периферической системе можно усмотреть продолжение темы нарушения – «суд», «наказание», «тюрьма». Во второй периферической системе расположены элементы, связанные с элементами зоны ядра, – «кража», «ограбление» – как указание на преступление, наносящее физический ущерб другим людям. В элементе «кровь» можно также усмотреть связь с элементом зоны ядра «убийство». Кроме того, здесь же присутствует элемент, имеющий морально-нравственную коннотацию, – «аморальность». Положение (здесь располагаются элементы, связанные с индивидуальным опытом респондентов, в противоположность зоне ядра, где располагаются элементы, разделенные группой, т. е. результат консенсуса) этого элемента указывает на его второстепенную роль в представлении о преступлении.

Понятия «преступник» и «жертва» (объекты представлений, находящихся в фокусе нашего внимания в исследовании) присутствуют в представлении о преступлении, но их роль второстепенна.

Таким образом, ядро представления о преступлении, которое придает смысл всему представлению и структурирует его, образовано элементами, указывающими на конкретные типы преступления, – «кража» и «убийство», здесь же располагается элемент «нарушение», имплицитно говорящий о существовании норм и законов, регламентирующих поведение. Если вернуться к определениям преступления, рассмотренным в самом начале нашей статьи, то можно заметить, что аморальность (характеристика объекта представления, которая отражена в самом понятии) является второстепенным элементом представления о преступлении. При этом все признаки преступления, которые изложены в юридическом определении преступления, присутствуют в представлении, но их важность, определяемая на основе местоположения, разнится.

В зоне ядра представления о преступнике (табл.) присутствуют три элемента – «убийца», «вор», «плохой человек», два из них соответствуют типам преступлений, третий имеет оценочный характер, квалифицирует преступника на полюсе конструкта «хороший – плохой». По сути, все эти элементы указывают на вину преступника (имеет место личностная атрибуция, констатируется то, что преступник совершил некоторое деяние), хотя сама характеристика вины и не присутствует в зоне ядра.

В зоне контраста располагаются элементы «психически больной», «опасный», «уголовник». Элементы «уголовник» и «опасный» по смыслу связаны с элементами зоны ядра «убийца» и «вор», в то же самое время можно говорить о другой теме этой зоны – «психически больной человек», которая также содержательно может обнаруживать связи с элементом «опасный». Элементы первой и второй периферических систем содержат элементы, апеллирующие к теме нарушения и наказания: «нарушитель», «наказание», «тюрьма».

В зоне ядра представления о жертве (табл.) находятся всего два элемента – «пострадавший», «невиновный». Если первый элемент, по сути, синонимичен самому объекту и не является информативным, то второй элемент – «невиновный» – становится ключевой характеристикой жертвы. Присутствие всего одного элемента в зоне ядра представления делает образ жертвы преступления неконкретным, при этом довольно низкий ранг – 1,72 (по сути, время реакции [17]) – подчеркивает вину преступника или ситуации, но не жертвы.

В зоне контраста располагаются элементы «смерть», «кровь», «бедный». Таким образом, для меньшинства тема убийства ассоциируется с жертвой. Продолжение этой темы находим в периферической системе представления – «убийство». Кроме того, в периферической системе присутствует тема физических и психологических переживаний жертвы – «боль», «беспомощность». Среди других элементов, касающихся индивидуальных представлений (ибо они составляют основу периферической системы), – «насилие», «жалость», «преступник».

Итак, темы, совпадающие в представлениях о преступлении и в представлениях о преступнике, – типы преступлений (убийство и кража, в случае преступника и соответствующий им тип преступника – убийца и вор). Хотя тема убийства и не является единственной в представлениях, но в случае представления о преступлении она является ключевой по сравнению с темой кражи ($t(60) = 2,33$; $p < 0,023$), чего нельзя сказать относительно представления о преступнике ($t(46) = 0,39$; $p < 0,7$). Таким образом, наше первое предположение получает лишь частичную поддержку. Заметим, что тема убийства присутствует в представлении о жертве, но не в зоне ядра представления, что делало бы ее определяющей с точки зрения структуры и смысла представления. Тема смерти жертвы, так или иначе связанная с убийством, располагается в зоне контраста. С точки зрения изучения связи представлений требуется дальнейшее осмысление этого результата.

Обращает на себя внимание тот факт, что в представлении о преступнике нет элементов, которые бы указывали на психологические характеристики преступника (только оценочная характеристика – «плохой человек»), его внешность или отношение к нему в представлении о жертве также не имеют неконкретного образа, ключевым же моментом в представлении о жертве является отсутствие вины. Однако в периферических системах можно найти ряд характеристик: с одной стороны, «беспомощность», с другой – «бедный», «жалость». Сравнение структуры и содержания двух представлений показывает, что представление о преступнике более конкретно, чем представление о жертве. В этих фактах можно усмотреть действие различных стратегий защиты посредством выстраивания социальных представлений об участниках преступления (по аналогии с теми, которые были получены в исследовании о «сексуальном маньяке» и «жертве» [1]).

Сравнение представлений о преступнике и о жертве говорит в пользу нашего второго предположения о том, что преступнику приписывается вина за его действия, а жертве приписывается невиновность.

Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие **выводы**.

Во-первых, *представления о преступлении и о преступнике* связаны друг с другом посредством элементов, конкретизирующих тип преступления, – «убийство» и «кража», причем в представлении о преступлении элемент «убийство» оказывается более значимым, чем «кража».

Во-вторых, *морально-нравственный аспект* второстепенен, когда речь идет о преступлении, но первостепенен в представлении о преступнике.

В-третьих, *тема вины* является ключевой в представлениях об участниках преступления, образуя оппозицию «виновность – невиновность», так как отношения между представлениями антонимичны.

Наши гипотезы получили полную или частичную эмпирическую поддержку и требуют дальнейшего изучения. Однако сама тема представлений о преступлении и его участниках нуждается в более глубоком изучении.

Обсуждаемые в статье данные являются частью исследовательского проекта, анализ результатов которого создаст контекст для понимания изложенных выше фактов. В продолжение исследований данной проблематики нам кажется целесообразным сравнить особенности социальных представлений о преступлении и об участниках преступления в различных возрастных группах. Это позволит лучше понять результаты, полученные нами на группах студенческой молодежи.

Требуется также рефлексия относительно связи представлений; этот важный аспект теории социальных представлений не привлек пока должного внимания исследователей.

Литература

1. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Гутник А.Д., Рикель А.М.* Особенности социальных представлений о сексуальном насилии: «Маньяк» и «Жертва» глазами молодых мужчин и женщин [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru 2011. № 1. URL: <http://psyedu.ru/> (дата обращения: 31.05.2013).
2. Большой толковый словарь русского языка /Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2009. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%EF%F0%E5%F1%F2%F3%EF%EB%E5%ED%E8%E5> (дата обращения: 25.05.2013).
3. *Голынич Е.О.* Социальные представления о справедливости как составляющая правосознания: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 250 с.

4. *Гулевич О.А.* Социальные представления о преступлениях, преступниках, жертвах и работниках правовых институтов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 186 с.
5. *Гулевич О.А.* Структурно-функциональная модель регуляции обыденных представлений о справедливости: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2012. 45 с.
6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Прогресс-универс, 1994. 2750 с.
7. *Донцов А.И., Емельянова Т.П.* Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 128 с.
8. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Нравственные проблемы современной России (вместо введения)// Нравственность современного российского общества: психологический анализ/ Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 7–17.
9. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений/Под ред. Н. Абрамова [Электронная версия]. 2002. URL:<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%EF%F0%E5%F1%F2%F3%EF%EB%E5%ED%E8%E5&all=x> (дата обращения: 25.05.2013).
10. Уголовный кодекс РФ. URL:<http://base.garant.ru/10108000/3/#1003> (дата обращения: 25.05.2013).
11. *Abric J.-C.* L'analyse structurale des représentations sociales// Les méthodes des sciences humaines/ Sous la dir. S.Moscovici, F.Buschini. P.: Presses Universitaires de France, 2003. P. 375–392.
12. *Abric J.-C.* Pratiques sociales et représentations. P.: Presses Universitaires de France, 1994. 252 p.
13. *Breakwell G.* Social representational constraints upon identity processes //Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions/ Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 271–284.
14. *Camargo B., Wachelke J.* The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body// Papers on Social Representations. 2010. Vol. 19. P. 21.1–21.21.
15. *Clémence A.* L'analyse des principes organisateurs des représentations sociales // Les méthodes des sciences humaines / Sous la dir. S.Moscovici, F.Buschini. P.: Presses Universitaires de France, 2003. P. 393–410.
16. *Doise W.* Les représentations sociales: définition d'un concept// L'étude des représentations sociales/ Ed. by W. Doise, A. Palmonari. Neuchatel: Delachaux et Niestlé, 1986. P. 86–98.
17. *Flament C., Rouquette M.-L.* Anatomie des idées ordinaires. P.: Armand Colin, 2003. 252 p.
18. *Hammer R., Widmer E.D., Robert C.-N.* Subjective proximity to crime or social representations? Explaining sentencing attitudes in Switzerland// Social Justice Research. 2009. Vol. 22. P. 351–368.
19. *Moscovici S.* Introduction// C. Herzlich. Health and Illness. A Social Psychological Analysis. L.: Academic Press, 1973. P. ix–xiv.
20. *Moscovici S.* La Psychanalyse: son image et son public. P.: Presses Universitaires de France, 1961. 515 p.

21. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations// *Social Representations: Explorations in Social Psychology*/Ed. by G. Duveen. N. Y.: New York University Press, 2000. P. 18–77.
22. *Pianelli C., Abric J.-C., Saad F.* Rôle des représentations sociales préexistantes dans les processus d'ancrage et de structuration d'une nouvelle représentation // *Cahiers internationaux de psychologie sociale*. 2010. Vol. 86. P. 241–274.
23. *Vergès P.* L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation// *Bulletin de psychologie*. 1992. T. XLV. № 405. P. 203–209.
24. *Wagner W., Kronberger N.* Killer tomatoes! Collective symbolic coping with biotechnology// *Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions*/ Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 147–164.
25. *Wagner W., Valencia J., Elejabarrieta F.* Relevance, discourse and the «hot» stable core of social representations: a structural analysis of word associations//*British Journal of Social Psychology*. 1996. Vol. 35. P. 331–352.

Crime and its members in social attitudes of students

I.B. Bovina,

Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of Chair of Criminal Psychology, Department of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Leading Research Associate, Research Laboratory "Scientific and Methodological Basis of Emergent Psychological Aid", Center for Emergent Psychological Aid, Moscow State University of Psychology and Education, innabovina@yandex.ru

B.G. Bovin,

PhD in Psychology, Leading Research Associate, Research Institute, Russian Federal Penitentiary Service, bovinbg@yandex.ru

We describe a study conducted in the framework of a structural approach based on the ideas of social representations of S. Moskovici. His goal was to reveal the characteristics of representations of crime, criminals and victims in young students, as well as connections between these representations. The sample consisted of 96 students, aged 18 to 23 years. We used the traditional approach of structural theory of social representations: the method of free association with the subsequent prototypical analysis of the received associations. The initial assumptions about the structure of social representations of crime, criminals and victims, as well as the relationship of these ideas, have received full or partial empirical support. We discuss the features of the representations structure, as well as the ways for further research of this problem.

Keywords: crime, offender, victim, theory of social representations, communications, representations, structure of social representations.

References

1. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Gutnik A.D., Rikel' A.M. Osobennosti social'nyh predstavlenii o seksual'nom nasilii: «Man'yak» i «Zhertva» glazami molodyh muzhchin i zhenshin [Elektronnyi resurs] // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru 2011. № 1. URL: <http://psyedu.ru/> (data obrasheniya: 31.05.2013).
2. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka /Pod red. S.A. Kuznecova. SPb.: Norint, 2009. URL:<http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%EF%F0%E5%F1%F2%F3%EF%EB%E5%ED%E8%E5> (data obrasheniya: 25.05.2013).
3. Golynchik E.O. Social'nye predstavleniya o spravedlivosti kak sostavlyayushaya pravosoznaniya: Dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2004. 250 s.
4. Gulevich O.A. Social'nye predstavleniya o prestupleniyah, prestupnikah, zhertvah i rabotnikah pravovykh institutov: Avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. M., 2000. 186 s.
5. Gulevich O.A. Strukturno-funktional'naya model' regulyatsii obydenykh predstavlenii o spravedlivosti: Avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. M., 2012. 45 s.
6. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. M.: Progress-univers, 1994. 2750 s.

7. *Doncov A.I., Emel'yanova T.P.* Konceptsiya social'nyh predstavlenii v sovremennoi francuzskoi psihologii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1987. 128 s.
8. *Zhuravlev A.L., Yurevich A.V.* Nravstvennye problemy sovremennoi Rossii (vmesto vvedeniya)// Nravstvennost' sovremennogo rossiiskogo obshchestva: psihologicheskii analiz/ Otv. red. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2012. S. 7-17.
9. Slovar' russkikh sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazhenii/Pod red. N. Abramova [Elektronnaya versiya]. 2002. URL:<http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%EF%F0%E5%F1%F2%F3%EF%EB%E5%ED%E8%E5&all=x> (data obrasheniya: 25.05.2013).
10. Ugolovnyi kodeks RF. URL: <http://base.garant.ru/10108000/3/#1003> (data obrasheniya: 25.05.2013).
11. *Abric J.-C.* L'analyse structurale des représentations sociales// Les méthodes des sciences humaines/ Sous la dir. S.Moscovici, F.Buschini. P.: Presses Universitaires de France, 2003. P. 375–392.
12. *Abric J.-C.* Pratiques sociales et représentations. P.: Presses Universitaires de France, 1994. 252 p.
13. Social representational constraints upon identity processes //Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions/ Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 271–284.
14. *Camargo B., Wachelke J.* The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body// Papers on Social Representations. 2010. Vol. 19. P. 21.1–21.21.
15. *Clémence A.* L'analyse des principes organisateurs des représentations sociales // Les méthodes des sciences humaines / Sous la dir. S.Moscovici, F.Buschini. P.: Presses Universitaires de France, 2003. P. 393–410.
16. *Doise W.* Les représentations sociales: définition d'un concept// L'étude des représentations sociales/ Ed. by W. Doise, A. Palmonari. Neuchatel: Delachaux et Niestlé, 1986. P. 86–98.
17. *Flament C., Rouquette M.-L.* Anatomie des idées ordinaires. P.: Armand Colin, 2003. 252 p.
18. *Hammer R., Widmer E.D., Robert C.-N.* Subjective proximity to crime or social representations? Explaining sentencing attitudes in Switzerland// Social Justice Research. 2009. Vol. 22. P. 351–368.
19. *Moscovici S.* Introduction// C. Herzlich. Health and Illness. A Social Psychological Analysis. L.: Academic Press, 1973. P. ix–xiv.
20. *Moscovici S.* La Psychanalyse: son image et son public. P.: Presses Universitaires de France, 1961. 515 p.
21. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations// Social Representations: Explorations in Social Psychology/Ed. by G. Duveen. N. Y.: New York University Press, 2000. P. 18–77.
22. *Pianelli C., Abric J.-C., Saad F.* Rôle des représentations sociales préexistantes dans les processus d'ancrage et de structuration d'une nouvelle représentation // Cahiers internationaux de psychologie sociale. 2010. Vol. 86. P. 241–274.
23. *Vergès P.* L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation// Bulletin de psychologie. 1992. T. XLV. № 405. P. 203–209.

24. *Wagner W., Kronberger N.* Killer tomatoes! Collective symbolic coping with biotechnology// *Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions/* Ed. by K. Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 147–164.

25. *Wagner W., Valencia J., Elejabarrieta F.* Relevance, discourse and the «hot» stable core of social representations: a structural analysis of word associations//*British Journal of Social Psychology.* 1996. Vol. 35. P. 331–352.